

М. А. АРАДЖИОНИ

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ И ПОДСОБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ГРЕКОВ ЮЖНОГО КРЫМА В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

История и культура позднесредневековых крымских христиан – греков (самоназвание “румей”, “урум”) вот уже более двух веков является предметом пристального изучения. Однако в основном исследовались вопросы, связанные с этногенезом этой группы и ранним периодом этнической истории, с историей переселения в Российскую империю и некоторыми вопросами социально-экономического и культурного развития греков в Приазовье [1; 2]. Приходится констатировать, что этническая история греков, особенности их традиционно-бытовой культуры в Крыму накануне переселения (1778 г.), проблемы обустройства и адаптации в Азовской губернии в конце XVIII – начале XIX вв. исследованы еще недостаточно [3, с. 97-117; 4, с. 67-68; 5, с. 3-12, 74-126; 6, с. 76, 180-195; 7, с. 53-56, 164-168]. Хотя изучение этих вопросов позволит пролить свет на некоторые “недоуменные вопросы” крымского средневековья, в частности, уточнить места компактного проживания греков, миграционные потоки, их численность; обозначить роль греков в развитии экономики Крымского ханства, и на примере этой этнической группы проследить функционирование адаптационных механизмов в новых местах проживания. Ведь греки в Российской империи вынуждены были приспособиваться к непривычным для них ландшафтно-климатическим условиям при формальном отсутствии местных жителей – старожилов Азовской губернии, которые могли бы “ретранслировать” свой опыт хозяйствования новым переселенцам.

Обращение к письменным источникам позволило нам отчасти уточнить географию расселения и численность греков некоторых сел Южного берега Крыма, их традиционные занятия и имущественный статус в Крыму, потери, понесенные при переселении и обустройстве в Азовской губернии, исследовать состав семьи, антропонирию. Ниже мы рассмотрим численность греков некоторых сел южного Крыма накануне 1778 г., их имущественный статус и традиционные занятия.

Известны три опубликованных статистических источника о численности христиан в Крыму накануне переселения: наиболее точным считается “ведомость Суворова” [8, с. 714-716], менее достоверным – “ведомости каймаканов” [9, с. 106-112; 10, с. 36-64; 11, с. 1-44] и самым спорным – “ведомость Игнатия” [9, с. 136-151]. Все эти ведомости в 1901 г.

пытался свести воедино и дополнить из современной ему литературы и источников А.П.Бертье-Делагард [12, с. 151-170; 13, с. 6-9] (табл. 1) Рукописи, хранящиеся в Государственном архиве при Совете министров Автономной республики Крым (далее – ГААРК), существенно дополняют опубликованные документы. Речь идет о фрагментах переписи недвижимого имущества крымских христиан, которое в 1778 г. переходило в казну по случаю переселения бывших подданных хана в Приазовье. Материалами этой переписи пользовались казенный комиссионер Караценов и чиновник Абдулла Гамит-ага, когда проводили ревизию этого имущества (в 1783-1784 гг.), т.к. после присоединения Крыма земли, принадлежавшие ханской казне, соответственно отошли в казну Российской империи. В документах этот процесс описывался так: “Гамит-Ага отыскав на татарском языке ханскую ведомость, заключающую в себе статьи оным оставшимся в Крыму после переселившихся в Россию христиан имениям, взяли сии имения в казенное ведение, а ведомости, переведя на российский язык представили в 1785 г. к оному г-ну правителю Каховскому, сами же оставались при рассмотрении сих имений и при сборе с них доходов под непосредственным ведением Каховского, а по переводе его в 1788 г. в Екатеринославскую губернию, преемника его генерал-майора Жегулина, по отдачу в 1793 г. оных имений в ведение и управление Таврической казенной палаты...” [14, л. 85]. Упомянутыми документами руководствовались также землемеры, проводившие по Высочайшему повелению межевание и отвод земли дворянам и чиновникам. К этим сведениям не раз обращались и члены правительственной комиссии, учрежденной для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове (действовала в 1797-1810 гг.). Именно в экстрактах дел, разбираемых этой комиссией, были обнаружены переведенные на русский язык переписи глав семей и недвижимого имущества, которым когда-то владели греки в селах: Козы (№ 11), Албат (№ 13), Аутка (№ 22), Массандра (№ 24), Магарач (№ 25), Никита (№ 26), Гурзуф (№ 27?), Кучук-Ламбат (№ 31), Алушта (№ 33), Демерджи (№ 34), Кучук-Узень (№ 36), Туак (№ 38) [15; 16; 17; 18; 19; 20]. Можно предположить, что под № 23 значилась ведомость имений греков с. Ялта, под №№ 27-30 – Гурзуф, Кизилташ, Дегерменкой, Партенит, под № 32 – Биюк Ламбат, № 35, 37 – Улу-Узень и Куру-Узень, однако в делах фонда эти списки не найдены.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют уточнить уже известные “ведомости каймаканов” и восполнить имеющиеся в них пробелы. Так, например, в опубликованных списках не показаны вообще данные по селам Алушта, Кучук-Узень, Туак, Козы. Информация по некоторым другим селам или была неполной, или вызывала сомнения в достоверности. Например, по с. Демерджи указано только количество разрушенных домов; в с. Куру-Узень указано количество целых и разрушенных жилищ, составляющих в сумме 14, но значит 18, то же самое в Никите: при подсчете получается 17, а показано 27 домов. В ведомостях Судакского кадылыка также указана деревня “Узень” с 11 домами (2 целых, остальные – разрушены), согласно аналогичному списку о церквях, помещенном на следующей странице, речь идет о Кучук-Узене, однако эти данные не коррелируют с цифрами Игнатия и Суворова [9, с. 118-119]. Существует некоторая путаница и с количеством выходцев из Аутки: Суворов показал только одну Аутку, Игнатий – Верхнюю с 47 семьями и Нижнюю с 22 семьями, в опубликованных ведомостях каймаканов значатся две Аутки с 36 и 28 домами [9, с. 105-110, 118-123, 136-138; 15, л. 234-236] (табл. 1, столбец 8).

Из обнаруженных документов можно узнать не только общее количество целых и разрушенных жилищ и сколькими домами владела каждая семья (род?), но и какое недвижимое имущество принадлежало жителям других сел, не проживавшим постоянно

в данном населенном пункте (табл. 1, столбцы 8-11). Например, в Кучук-Узень были записаны 24 семьи, проживавшие в своих домах, 25-м хозяином, владевшим землей в окрестностях села, значился Каракобал Ходжа, вероятно житель с. Кара-Коба [15, л. 236-238]. Обращает на себя внимание и тот факт, что не всегда количество имен хозяев (глав семей “дворов”), выселившихся из населенного пункта, соответствовало числу оставленных жилищ (“домов”). Например, в с. Демерджи постоянно проживало 35 семей, из них три – Андрея, Барсука-оглу и Калмука владели двумя и четырьмя жилыми постройками, поэтому общее количество домов по ведомости – 40. Вероятно, мы имеем дело с реликтами патриархальной семейной общины – объединением родственников, ведущих совместное хозяйство. На это указывал еще Ф.Лашков в своем исследовании сельской общины Крымского ханства: “Двор – главное основание организации джемаата... если в настоящее время татарский двор представляет собой соединение женатых членов семьи, живущих на общем хозяйстве, то в более древнее время такой двор во многом напоминал славянскую задругу” [21, с. 30].

Таким образом, численность греков накануне выселения была следующей: с. Албат – 19 семей (113 человек), с. Аутка – 36 семей (169 человек), с. Гурзуф – 23 семьи (83 человека), с. Демерджи – 35 семей (190 человек), с. Козы – 14 семей (74 человека), с. Кучук-Ламбат – 17 семей (75 человек), с. Куру-Узень – 18 семей (103 человека), с. Кучук-Узень – 24 семей (126 человек), с. Улу-Узень – 23(?) семьи (124 человека), с. Марсанда – 42 семьи (231 человек), с. Магарач – 39 семей (175 человек), Никита – 28 семей (102 человека). В “ведомостях каймаканов” при грубом подсчете возможного количества податного населения руководствовались следующим принципом: “... как в числе сих домов есть без сомнения и такие, что на одну семью состоит три двора, при том есть и вдовьи дома, то и полагается на всякий дом примерно по три души мужского пола” [9, с. 102]. Мы исходили из того, что в среднем членами одной семьи являлось 5-6 человек (см. выше соотношение количества семей и количества душ), поэтому в с. Алушта, где показаны 9 семей, вероятно, проживало около 50 человек, в с. Тувах (1 семья) – около 5. Из перечисленных 14 сел всего выселилось 316 семей – 1620 человек, что составляет 9% от общего числа греков, ушедших в Приазовье. Осталось невыясненным выселялись ли греки из с. Шума и с. Корбеклы (в 1652 г. в этих селах являлись налогоплательщиками соответственно 8 и 3 греческие семьи), или же к 1778 г. здесь остались лишь их угодья, упоминающиеся в документах [22, с. 286; 23, л. 1-3].

Выходцы из Гурзуфа в Приазовье совместно с кизилташскими греками основали с. Урзуф; жители Аутки, Марсанды, Магарача, Никиты, Кучук-Ламбата вместе с биюк-ламбатцами, ялтинцами, дегерменкойцами основали с. Ялту. Греки из Демерджи, Куру-Узень, Кучук-Узень, Улу-Узень и, вероятно, Алушты, Туваха, Корбеклы (?) и Шумы (?) – с. Константинополь. Жители этих сел являлись носителями новогреческих диалектов и свободно владели крымскотатарским языком. Лишь греки из Албата, по всей видимости, были тюркоязычны. Вероятнее всего, как прихожане керменчикской церкви св. Троицы, они поселились в приазовском селе Керменчик [13, с. 5-8; 24, с. 529-536].

В ведомостях 1778 г. также приводились сведения о хозяйственных постройках, оставленных греками (“погреб”, “кладовая”, “магазин”, “зимовник” и т.д.), об их земельных наделах: пашнях, которые засеивались зерновыми или техническими культурами, садах, виноградниках, сенокосных местах, баштанах или огородах, лесных угодьях, даже об отдельно растущих плодоносящих деревьях. Поскольку мы имеем дело с переводом, попытаемся разобраться, что подразумевалось под тем или иным названием и сделаем

попытку как-то соотнести приведенные русские термины с их татарскими аналогами. Пашню – участок земли, обрабатываемый плугом, называли “тарла”. В рассматриваемых документах иногда встречаются названия пашенных участков, находящихся в отдалении от населенного пункта. В этом случае указывался топонимический ориентир (например, урочище Алачик, местности Ксен-Юрда, Ай-Васил и т.д.). Кроме этого, в некоторых селах встречалось название “таш-кора” или “таш корали”, что означает “огороженный камнем участок” пашни [18, л. 106; 21, с. 34]. Обычно в ведомостях использовались термины “луг” или “сенокосное место”, и отмечалось, что это перевод татарского слова “чаир”. Однако Ф.Лашков, работавший вместе с официальным переводчиком Таврического Магометанского правления Мурат-Беем Биарслановым над переводом книг судейских решений, отмечал, что “чаир” означает сенокосное место в лесу или луг с растущими на нем деревьями. “Чаиры” ценились выше обычных лугов и на них часто устраивали зимовники для скота. Кроме того “луг” и “сенокос” в татарских документах равнозначны понятию “пастбище” [21, с. 4, 31-34]. Название “сад” или “садовый участок” (татарское “бахче”) применялось и в отношении насаждений плодовых деревьев, и в отношении виноградников. Уточнение “фруктовый сад” или “виноградный сад” встречалось крайне редко (например, в с. Тувак). Исключения составляют лишь с. Козы, где в ведомости упомянуты виноградники и особая мера их площади, да “виноград на двух древаках” в Гурзуфе [16, л. 111об.; 19, л. 123]. Как правило, лес находился в общественной собственности: каждый житель села мог рубить деревья в количестве, нужном для хозяйства (построек, топлива и т.д.), но не для продажи, но иногда в ведомостях встречаются упоминания о “лесных участках” в частном владении. Не всегда точно можно понять, что имеется ввиду под “боштанами” – то ли “бостан” (огород, участок для выращивания овощей) то ли “баштан” (участки, где выращивали бахчевые культуры – дыни, арбузы и др.).

Еще более запутанным является вопрос с названиями хозяйственных построек: в Алуште упоминаются “отары” у дома, а в Аутке, Гурзуфе и Демерджи – овечьи зимовники. В османских переписях, по данным А.Галенко, встречается термин “мандара” – производное от греческого *μάνδρα*, которое переводится как “огороженная площадь (участок) для содержания скота” [25, с. 1052]. В судейских книгах упоминается “кишла” – “хутор с загонами и сараями для зимовки овец”, в другом случае – это капитально устроенные зимовники, находившиеся в значительном отдалении от дома на месте “лесных покосов” – “чаиров” [21, с. 14, 31]. Возможно, что “отара” в данном случае является фонетической калькой с “мандара”, а название “кишла” переводилось как “зимовник”. Однако, как на самом деле терминологически отличается “отара” от “зимовника” можно только догадываться: оба упомянутых названия могли в оригинале звучать как “мандара”, а возможно как “хой-аран” (“кьой-аран” – совр. кртат. яз.), “азбар” или “коштогай” (“кьош-тогъай”) – как и сегодня называют кошары греки – потомки переселенцев в приазовских селах [26, с. 134-138; 27; 28, с. 14, 23, 82, 127]. “Погреба” видимо были не популярны у греков, потому что упоминаются лишь в Аутке и Гурзуфе, также в двух селах были описаны “амбары”, а вот “кладовые” и “магазинны” – почти повсеместно. Причем, в одном хозяйстве могли быть и “амбар”, и “кладовая”, и “магазинны”. По мнению А.Галенко, “магазинн” является фонетической калькой с “махзен” (мн. “мехазин”), которым называлось подземное зернохранилище или склад. Таким образом, “магазинн” можно считать подземным амбаром или складом для хранения припасов, а “кладовую” – наземным строением для хранения различных припасов, более функциональным, чем “амбар”.

К сожалению, размеры лесов, лугов, баштанов и садов в списках не указаны вообще или только как “малые” и “большие”. Относительно точные данные можно получить лишь по количеству пашенной земли, которой владели греки: в ведомостях отмечали и число

участков, и сколько на них засеивалось семян (в единицах “демерлея” и “четверть”, хотя вероятнее всего в оригинале были “демерлея” и “бакла”). Из документов, хранящихся в делах фонда, известно, что демерлея составляла 1/8 баклы или 45 фунтов. Одна бакла соответствовала русской “четверти” или девяти пудам. Бакла хлебного зерна в Крыму засеивалась на 1,5 десятины земли [29, л. 2-7; 30, с. 18-19]. Переводя в современные меры веса и площади, получаем: бакла равна 147,4245 кг (9 пудов), или 209, 91 л (1 четверть), поскольку это количество зерна засеивалось на 1,5 десятины земли (1 десятина = 1,09 га), в современном исчислении это 1,635 га. Демерлея равна 18,43 кг. Это количество семян (зерна) соответственно засеивалось на площади 0,1875 десятины или 0,204 га. Размеры оставленных в Крыму виноградников были приведены в “мероя донум”. Исследователи османских налоговых переписей провинции Кефе указывали, что 1 дёнюм виноградника равен 919,3 м² или 0,09 га [31, с. 54]. Но вот что такое “мероя” – остается только догадываться: это слово созвучно с арабскими терминами “мерья” (общественный выгон) и “мирие” (государственный домен в мусульманских странах), встречающимися в документах того периода [21, с. 25]. Таким образом, “мероя донум” – могла быть какая-то особая единица площади, отличная от просто “дёнюм”, или указывающая на какую-то форму собственности – вопрос еще нуждается в доисследовании.

Итак, попытаемся с помощью обнаруженных ведомостей реконструировать картину имущественного положения греков 10-ти южнобережных и двух горных сел (Албат и Демерджи), их традиционные основные и подсобные занятия. Изначально оговорим, что как приведенные сведения так и сделанные на их основании расчеты, изначально являются весьма приблизительными (такowymi они были еще при переписи имущества, в 1778 г.). Кроме того, либо во время перевода на русский язык, либо во время переписки документов в конце XVIII в., были несколько искажены имена и прозвища греков, названия местностей, кое-где пропущены сведения о количестве участков или их размерах. В связи с этим, приводя данные документов, мы старались максимально точно придерживаться дошедшего до нас текста, оставляя “за скобками” разбор ономастического материала, которому будет посвящена отдельная работа, и пытались анализировать в первую очередь не полученные в результате вычислений цифры, а их соотношения (табл. 2).

Ведомость № 13 с. Албат [18, л. 106-107об.]. Всего показано 19 хозяев и 31 жилище (по два дома имели Константин, Яшар, Карачук (?), Савва, Юрий, Афанда, Жан-Темир, Панаиот, Чолпан, и 3 дома – Никола). Кроме домов показаны 16 кладовых, 2 части леса, 12 садов, 6 сенокосных участков (в т.ч. 2 луга площадью 4,905 га), 27 участков пашни, которые составляли 50,989 га, и особо было отмечено одно льняное поле размером 2,04 га. Не все эти угодья находились в селе, многие значатся в его ближних и дальних окрестностях. В среднем пахотной земли на одну семью приходилось 2,709 га. Наиболее состоятельными являлись Яшар (2 дома, кладовая, фруктовый сад у дома, 5 участков пашни 11,34 га), Никола (дом, сад, 3 участка пашни – 5,723 га) и Серафим (дом, две пашни 5,415 га). У Парачувы и Афанды значатся только дома и кладовые – то ли угодья на момент переписи уже были проданы владельцами, то ли была допущена ошибка переписчиками или переводчиками. То же самое касается и Чолпана, у которого значатся 2 дома, кладовая и один сад. Исключая этих хозяев, можно заключить, что наиболее бедным греком – жителем Албата был Тодур (дом, сад и пашня 0,818 га).

В ведомости № 22 с. Аутка [17, л. 20-24об., 39-41] значатся 36 хозяев и 50 жилых построек (в т.ч. 3 землянки у Ставрона, дом с пристройками Узуна Пейфия, дом под черепицей с погребом Василия Чалика, 2 дома с пристройками у Каплазана Констандина;

по 2 дома имели Терзы Афандык, Серафим, Топи, Мартин оглу, Айваз(н?), Димитрий Папаз-оглу, Юри Дмитрий, по 3 дома – у Яния Дмитрия-оглу и Ламбатли Константина). Кроме жилых построек особо отмечено, что в деревне имелись две новые каменные церкви, в одной из которых была сделана мечеть. В ведомости значились также 2 овечьих зимовника и 2 мельницы “об одном колесе и о двух колесах”, которыми греки Чалик Василий и Филий владели совместно с татарами Ибрагимом и муллой Бекиром.

За жителями Аутки значились 78,5 садовых участков, 39,5 сенокосных участков, 5 частей леса, одна бахча, 2 орешника, 5 деревьев орешника и еще 3 участка с несколькими деревьями орешника. Пашни, засеваемой зерном, было 55,59 га (49 участков), а под льном – 42,636 га (96 участков) и два льняных участка показаны по 3 четверти засева, хотя возможно это ошибка переписчиков – обычно эти наделы считались в “демерлеях”. Таким образом, всего было 98 льняных участков, площадью 52,446 га или 43,86 га, если не принимать во внимание те два, что вызывают сомнения. В среднем на одного жителя села приходилось 2,8 га пашни, причем льняные поля составляли чуть меньше половины – около 46% от общего количества пахотных земель. Наиболее состоятельными были: Серафим (2 дома, 2 сада, 7,56 га пашни), Кара Андон (1 дом, 2 сада, 1 луг, орешник, 7,56 га пашни), Апостол (дом, 2 сада, 3 луга, пашни 5,106 га), Танас Чубарь-оглу (дом, 4 сада, луг, бахча, пашни 4,902 га), Алексей Никола-оглу (дом, 3 сада, 3 луга, часть леса, пашни 4,698 га), Филий (дом, 4 сада, луг, зимовник овечий, мельницы половинная часть, 698 га пашни). К этому перечню можно было бы отнести и Стериона Пичакчи-оглу (дом, овечий зимовник, 4 сада, 2 луга, леса 1 часть, 5 пахотных участков), однако в ведомости показаны лишь размеры льняных посевов – 1,428 га, а вот площадь двух других участков переписчики “забыли” упомянуть. Бедными жителями села можно считать Илью (дом, сад, луг, 0,408 га пашни) и Скам(л?)иоти (?) – дом, сад, луг, 1,224 га пашни. В целом же жители Аутки по данным этой ведомости выглядят гораздо более состоятельными, чем греки с. Албат.

Ведомость № 24 Марсанда (Массандра) [14, л. 85–89]. В списке значатся 43 хозяина, причем один из них – Мазарачлы (Магарачлы (?)) Папаз – вероятно священник из с. Магарач постоянно не проживал в Марсанде, но имел в окрестностях села сад и два луга, другой грек – Яни Истерион записан вместе с семьей Николы как его родня. Некоторые семьи имели по два дома – Жанболат, Симион Демерджи, Савва, Тирфе, Чамак, Никола, Шала Яний, Афаний, Коюмжи Дмитрий, Константин Попаз-оглу, поэтому общее количество жилых построек – 53. Кроме этого показаны 8 кладовых, 1 “магазин”, 1 часть леса, 57 сенокосных участка, 2 бахчи, 121 садовый участок (в т.ч. в окрестностях с. Дереккой), 5 “садов орешника”, 8 ореховых деревьев в частном владении и 34 – в общественном, а также 24 участка пашни, засеваемой зерном – 17,166 га, и 91 “льняной” участок – 51,015 га (в т.ч. один в окрестностях с. Ялты). Всего пашни у жителей села было 68,181 га, причем почти 75% пахотных земель занимали посевы льна. В среднем на одну семью приходилось около 1,6 га пашни. Среди наиболее состоятельных жителей села выделяются: Димитрий Коюмжи (2 дома, 2 больших сада, 6 средних и малых садов, 4 луга, 9 льняных полей 30 демерлей засева – 6,12 га), Токта (дом, 2 сада, льняное поле 4,905 га и пашня 0,818 га), Савва Кюрчки (дом, 1,5 садовых участка, пашни 4,905 га), Демерджи Афандик (дом, 6 садов, 2 луга, пашни 4,083 га), Шала Яний (2 дома, 3 сада, 2 луга, пашни 3,267 га), Панаиот (дом, “магазин”, сад большой, 2 луга, 1 бахча, 8 ореховых деревьев, льняное поле 0,612 га и одна пашня – размер не указан). “Бедняками” на этом фоне кажутся Бачоглу Афандык (дом, 1 сад, 1 луг, льняных полей 0,816 га), Калафат Яний (дом, 1 сад, 1 луг, 1 льняное поле 0,408 га и 1 пашня неопределенного размера) и Никола, у которого значится только

один сгоревший дом.

В связи с приведенными данными чрезвычайно интересным является замечание П.С.Палласа о льноводстве в Крыму: “Приятная и жаркая долина Туяка расширяется по двум сторонам довольно значительного ручья Шит-Терек..., образуя у моря продолговатую равнину, не очень большую, но плодородную, с хорошими полями, засеянными поливным льном. Лен, выращиваемый в долинах, начиная с Алушты в особенности, предпочитается и продается дороже за его длину и тонкость, и оба качества следует приписать орошению. Засеваемые поля обрабатывают с большим старанием узкими грядами, между которыми – маленькие канавки для напуска воды; эта культура дает наиболее значительные средства для существования татар” [32, с. 93]. Вероятно, все описанное в полной мере может касаться и греков, специализировавшихся на производстве льна, ведь они покинули эти места незадолго до путешествия Палласа.

В ведомости № 25 с. Магарач [14, л. 89об.-93] показаны 40 хозяев, в том числе Василий и Папаз, у которых в числе недвижимого имущества не значатся жилые постройки, поэтому общее количество домов в селе – 38. Описаны также: 1 кладовая, половинная часть мельницы в Ай-Василе, 60 сенокосных участков, 79 садовых участка, 2 бахчи, 51 участок пашни под зерновыми культурами – 42,708 га (размер одного из участков не указан), 101 участок, засеянный льном, что составляет 39,99 га (без учета 17 участков, размер которых в ведомости не указан). Если допустить, что среднее льняное поле составляет 2 демерлеи засева (0,408 га), то общая площадь льняных посевов могла быть 46,926 га. Таким образом, примерное количество пашни, которой владели греки с. Магарач, было 89,634 га (из них лен занимал 52% посевной площади). В среднем на одну семью приходилось 2,24 га пашни. Наиболее состоятельными по этой ведомости кажутся Папаз (священник, вероятно он указан был в предыдущей ведомости как “Папаз Маразачли – Магарачли?”, 2 сада, 3 луга, 5 льняных полей и 4 пашни – 5,718 га), Стерион (дом, сад, 2 луга, пашни 4,904 га), Тирфе (дом, 4 сада, 1 луг, пашни 4,902 га), Мугав (Мутав?) Тодур (дом, 5 садов, пашни 4,902 га), Дмитрий (дом, 3 сада, пашни 4,902 га), Василий (дом, 6 садов, 2 луга, пашен 4,494 га), Трандафил (дом, 3 сада, 2 луга, половина мельницы, пашни 4,088 га и 4 льняных поля – размер не указан). Самыми бедными были Панаиот Бичакчи (Пичакчи?) (дом, который сгорел, и одно льняное поле 0,204 га), Алекса (дом, который сгорел, 1 луг, 1 сад и льняное поле 1,02 га) и Демерджи Юрий (дом, 1 сад, льняных полей 0,816 га и одна пашня неопределенного размера).

Ведомость № 26 с. Никита [14, л. 93-96]. Отмечены 28 хозяев и 30 домов (по два дома было у Тул Кары (“вдовы”) и Юрия Папаза). Жители этого села владели 51 сенокосным участком, 30 садами; 64 участка засеивались зерновыми культурами (38,723 га) и 75 участков – льном (29,58 га). Всего у греков Никиты было 68,303 га пашни (под технической культурой – 43%). В среднем на одного жителя приходилось 2,44 га пахотных земель. Среди зажиточных греков села особо выделяются Константин Сакизлы-оглу (дом, 3 сада, 3 луга, пашни 5,31 га), Сотыр Парачова (дом, 1 сад, 2 луга, пашни 5,312 га), Юрий Папаз (2 дома, 2 сада, 3 луга, пашни 4,493 га) и Тодур (дом, 2 сада, 3 луга, пашни 4,493 га). Бедняками на этом фоне кажутся Кучук Андон (1 дом, 0,918 га пашни) и Паскал (1 дом, 1 сад, пашни 0,918 га).

Ведомость № 27 (?) с. Гурзуф [19, л. 122об.-124, 150-153, 177об.-179]. Значатся 26 хозяев и 23 дома (в т.ч. один под черепицей). Упомянутые в списке София, Самиходы (?) и Парачова Марсандалы, вероятно, не проживали постоянно в Гурзуфе. 11 хозяев рядом с домами имели кладовые, а Каланджи еще и “погреб и другие постройки”. В селе также находилось 8 “магазинов”, греки Кучук Яний и Дмитрий Куемчи владели мельницей, а Кара

Яний овечьим зимовником. Во владении греков села находилось 25 сенокосных участков (в т.ч. 7 “больших”), 49 садов (в т.ч. 2 черешневых и 2 “гувесу”), кроме этого еще 6 орешников (“фундука?”), 8 ореховых деревьев (“фундук” или “волосский”/“гречкий” орех?) и 15 деревьев “гувесу”, 8 “баштанов” (“бостанов?”). У Палласа вышеупомянутый “гувес” (в дальнейшем в ведомостях он будет встречаться и в форме “авес”, “овес”) описан как “ювез” – “садовая рябина с красными плодами большой величины в виде груши” [32, с. 185]. Виноград показан только у Каланжи – “винограду на двух дровках”. Пашни под зерном значился 81 участок, что составляло 83,9875 га, и 61 участок, засеянный льном (30,498 га (в том числе 7 участков, размеры которых не указаны в документе – приблизительно 1,428 га) или 26,64% всей посевной площади), всего – 114,48 га. В среднем на одну семью приходилось 4,4 га пашни. Из общего списка особо выделяются Василий Бургуч, имевший 18,39 га пашни, дом с кладовой, 2 луга, 3 сада и 1 большое ореховое дерево в Алачике, и Кара Яний (17,778 га пашни, дом, овечий зимовник, “магазин”, 2 больших луга, 2 сада, 1 бахча, 15 деревьев “гувеса”). Наиболее бедными жителями села являлись Тодур Салкат(?) -оглу (1 дом, половина сенокосного участка, 1 сад “гувесу”), Анастас Демире-оглу (1 дом, 1 льняное поле 0,204 га, 1 сад).

В ведомости № 31 с. Кучук-Ламбат [20, л. 53об.-54] значатся 17 хозяев, владевших 21 домом (3 дома было у Анастасия, по два – у Сагир Василия и Яния). Почти у каждой семьи был “магазин” (13), кладовая (6) или амбар (3). В ведомости также показаны 36,5 садовых, 7 бахчевых, 18,5 сенокосных участков. Всего насчитывалось 58,2185 га пашни (39 участков засеянных льном – 13,464 га (23%) и 94 участка под зерновыми культурами – 44,7545 га). В среднем на одного жителя Кучук-Ламбата приходилось 3,43 га. Самыми состоятельными были Бахтер(?) – 6,9465 га пашни, 1 дом, “магазин”, 2 сада, 2 луга; Сары Тодур (дом, “магазин”, кладовая, сад, 6 лугов, 5,3115 га пашни), Парачова (дом, “магазин”, 3 сада, 4,9035 га пашни). “Бедным” в этом списке выглядит лишь Калыон (Кальян?) – 1 дом, сад большой, луг, 1,635 га пашни.

В ведомости под № 33 [20, л. 53-53об.] приводится список хозяев с. **Алушта**: Андон, Дмитрий, Темир оглу, Юрий, Тохтамыш, Черкес, Тамана, Попаз, Лефтер, Параскева, Стефан, Янакий, Аслан, Стерион, Калпакчи, Савва, Чукундур оглу. Первые пять глав семей записаны как собственники двух домов; последние восемь хозяев, вероятно, являлись жителями окрестных сел, которые владели собственностью в с. Алушта (ореховыми, фруктовыми деревьями), но постоянно не проживали. По другим ведомостям удалось установить, что сына Чукундур звали Константином и проживал он в с. Демерджи, там же проживал и другой собственник – Савва, сын священника. Таким образом, собственно в Алуште проживало 9 семей и находилось 14 домов. К 1784 г. 5 домов сгорели, еще один дом и мельница были разорены. Шесть хозяев имели “отары у дома”. Были описаны 11,5 сенокосных участков, в т.ч. с деревьями в окрестностях с. Шума, 2 участка леса, 18 садов и отдельно стоящие деревья: 5 “авеса”, 1 мушмула, 1 груша, 45 орехов, общий размер пашни 86,223 га (в т.ч. под зерновыми – 83 участка – 75,207 га и 32 участка под техническими культурами – 11,016 га – 12,77%). Из общего списка особенно выделяется Лефтер, владевший 44,547 га пашни, домом, 3 лугами, 3 деревьями “авесу” и 11 ореховыми деревьями. За ним в списке богатых жителей Алушты следует Папаз (дом, часть леса, 3 сада, 4 ореховых дерева, 7,356 га пашни) и Черкес (дом, 2 луга, 3 сада, 3 ореховых дерева, 7,152 га пашни). Единственный “бедняк” села – Тамана – имел дом, 1 сад и 0,612 га пашни.

В ведомости под № 34 с. Демерджи [15, л. 236-238об.] показаны 35 семей, 40 домов (у Андреева и Барсука-оглу было по два дома, а у Калмука – четыре). У жителей села были описаны 21 кладовая, 12 “магазинов” и 2 зимовника для скота. Сады,

виноградники, лес не показаны вообще, но зато описаны 133 сенокосных участка. Из общего количества пашни (237,836 га) 232 участка были заняты зерновыми (208,043 га) и 62 – техническими культурами (29,793 га – 12,53%). В среднем на 1 семью приходилось 6,795 га пашни. Наиболее состоятельными были Токтамыш (дом, зимовник, “магазин”, 9 сенокосных мест, 16,347 га пашни), Филас Пефтий (дом, 2 кладовые, 5 сенокосных участков, 14,1 га пашни), Никола (дом, “магазин”, 4 сенокосных участка, 13,896 га пашни), Тодур Шахтемир (1 дом, кладовая, зимовник, 2 сенокосных участка, 15 ореховых деревьев, 11,442 га пашни), Тодур (дом, кладовая, 2 сенокосных участка, 13,08 га пашни), Карачора (1 дом, кладовая, 4 сенокосных участка, 11,034 га пашни). Бедняком можно назвать Черкесоглу (дом, 2 луга, 1,226 га пашни).

Кроме того, упоминаются владения греков сел Кучук-Ламбат, Алушты и Демерджи в с. Шума и с. Корбеклы.

В ведомости под № 36 приводится список имений хозяев с. *Кучук-Узень* [15, л. 234-236]. В селе постоянно проживало 24 семьи и находилось 24 дома, хотя показаны 25 хозяев. Всего в ведомости описаны 229 участков пашни – 142,8 га (в т.ч. 131 участок под зерновыми – 111,18 га и 98 участков под техническими культурами – 31,62 га или 23%). В среднем на одну семью приходилось 5,95 га пахотных земель. Большинство семей Кучук-Узень имели при домах кладовые (23), а некоторые – Налбанд Анастас, Пефтий, Анастас – даже по три кладовых, также в селе описаны 11 “магазинов”, 3 амбара (все три – у Анастаса Куруш, который владел всего лишь 4,0845 га пашни), мельница. Жители села имели лишь 1 сенокосный участок, но почти у каждой семьи был сад (показано 34 участка), кроме этого еще 12 ореховых деревьев, 3 дерева “овесу”. Житель села грек Акрыт Чолбарак (в другом списке – Челбарах) имел “виноградный сад” в с. Тувах, собственно в Кучук-Узене “виноградные сады” не отмечены. Наиболее состоятельными были: Пефтий (дом, 3 кладовых, “магазин”, 2 сада, 16,341 га пашни), Тодур (дом, кладовая, “магазин”, 11,442 га пашни), Савва Чикмак (дом, кладовая, “магазин”, 2 сада, 10,623 га пашни), Давид (дом, кладовая, сад, 10,626 га пашни), Анастас (дом, 3 кладовых, “магазин”, 2 сада, 9,807 га пашни). На этом фоне очень бедными выглядят Минений (дом, 0,612 га пашни) и Папаз-оглу (дом, 1,4295 га пашни).

Ведомость № 38 имений жителей с. *Тувак* [15, л. 239] состоит всего из нескольких строк: показан только Горгора, дом которого был разорен, и один виноградник, да 2 виноградника и одно льняное поле Акрыта Челбараха, жителя с. Кучук-Узень (“Кучук Озенли Акрыта”).

Ведомость № 11 с. Козы [16, л. 111об.]. В этом населенном пункте было переписано 19 хозяев. Из них постоянно проживали в Козах всего 14 семей: Кефели тул Аврати и Кефели Мугдеси Тодури очевидно были жителями Каффы, Яков Имаретли – с. Имарет, из каких мест были Сакизля Яни (из с. Саки?) и Тохтамыш точно не известно. Некоторые семьи (“фамилии” или “роды”) в Козах имели по несколько домов: по 4 – Илья Манол-оглу, Никола, по 3 – Янакий, Кокей, Тивалима(?), Джирджалис, Парачова, Анастас, по 2 – Илья, Спирос, Саррафа. Всего в ведомости показаны 35 жилищ. Семь жителей села имели пахотные участки по 3 четверти засева (всего 41 участок, 34,335 га), 29 сенокосных участков, один запущенный сад, 25 “виноградных садов” (размеры двух из них не указаны), составлявших 62 “мероя донум” (если перевести в “дёнум” – 5,7 га?). Из этого числа шесть виноградников (10 мероя донум – чуть меньше 1 га?) принадлежали жителям других сел. В среднем на одного жителя Коз приходилось 2,45 га пахотной земли. Самыми состоятельными были: Илья Манол-оглу (4 дома, 4,905 га пашни, 4 сенокосных места, один виноградник 7 м.д.) и Никола (4 дома, 4,905 га пашни, 3 луга, 1 виноградник 7 м.д.).

На этом фоне бедным кажется Тодур (дом, 2 луга и 2 виноградника 3 м.д.).

Приведем описание этой местности, сделанное П.С.Палласом через 17 лет после переселения отсюда греков: "Красивая жаркая долина Коз, столь богатая садами, в которой расположена деревня этого имени, производящая самое крепкое вино во всем Крыму ... вслед за деревней между горами Токлук-Сырт и Порсук-кая... до моря по длине 4,5 верст... долины покрыты самыми превосходными и плодородными виноградниками. Татары этих мест по справедливости считаются лучшими виноградарями в Крыму... Здесь виноград вызревает ранее (чем в Судакской долине) и дает сусло более крепкое и сладкое, несмотря на то, вино в Козе уступает судагскому в отношении тонкости вкуса и продолжительности сохранения, что происходит может быть от почвы, здесь более жирной и дающей больший урожай чем в долине Судака... Население долины Коза еще и ныне довольно значительно. До выселения здесь было много греков, занимавшихся культурой винограда, и еще видны их разрушившиеся дома" [32, с. 106-107].

В связи с данными, приведенными по с. Козы, возникает вопрос: только ли в этом селе греки занимались виноделием? Ведь еще с периода раннего средневековья жители Южного берега Крыма специализировались на выращивании винограда и производстве вина. По османской налоговой переписи провинции Кефе 1542 г., виноградарство в селах исследуемого района приносило следующий процент налоговых поступлений в казну: Qozlar (Козы) 35%; Sikita (Никита) 29%; Qurzuf (Гурзуф) 28%; Qurı Uzen (Куру-Узень) 27%; Kiçi Uzen (Кучук-Узень) 27%; Lanbad Buzurg ve Kuçuk (Бююк и Кучук Ламбат) 24%; Marsanda (Массандра) 21%; Avtiki (Аутки?) 21%; Duvaq (Тувах) 21%; Ulu Uzen (Улу-Узень) 16%; Aluřta (Алушта) 14%; Demurci (Демирджи) 12%; Ğima (Шума) 12%; Gurbaqlı (Корбеклы) 11%; Albati ma Ay-Todor (Албат с Ай-Тодором) 7% [31, с. 60]. Во всех приведенных выше ведомостях указывались только "садовые участки" или "сад", без уточнения "виноградный сад": Лишь в с. Тувах были отмечены "виноградные сады", да в с. Гурзуф – "виноград на двух древках", кроме того, нигде не были указаны размеры "садов" – ни в мерах площади, ни в количестве получаемого сырья или продуктов его переработки.

С целью прояснить ситуацию с виноградарством в XVIII в. в районе современной Большой Ялты обратимся к более поздним ведомостям. В 1805 г. для греков, вернувшихся из приазовской Ялты в Аутку, был составлен межевой план их владений, переданных бывшим хозяевам из казенного ведомства. Так, например, у священника Иоакима значились двор с фруктовым садом и сенокосом 1 десятина 265,5 сажень, двор и огород 71,5 са², амбар для клажи (15 са²), виноградные сады (198 и 90 са²), фруктовый сад (1408 са²), мучная мельница (60 са²), пахотные земли (1667, 1499 и 355 са²), сенные покосы (777, 895, 1213 са²) и еще 12 пахотных участков общей площадью 1482 са², не считая другого имения в совместном владении с местными греками и татарами. Кроме него по этому межевому плану значились двор с фруктовым и виноградным садом (581 са²), а также фруктовые и виноградные сады (3861 са²) у вдовы Василия Реиза; двор с фруктовыми и виноградными садами (1145,5 са²) у Юрия Дмитриева; фруктовые и виноградные сады (2376 са²) у Николая Евангели [17, л. 70-79об.]. Из приведенного перечня видно, что виноградников в селе не так уж и много, в то же время у каждого хозяина есть несколько участков фруктовых садов, причем средний размер одного такого участка составляет около 400-500 са² (около 0,2 га), тогда как виноградника – не более 120 са² (0,06 га). Очевидно, что виноградарством греки этого села занимались очень мало и производили вино только для собственного потребления. Таким образом, остается невыясненным, что же произошло с виноградарством в этом некогда ведущем

винодельческом регионе за прошедшие два века, ведь именно не-мусульмане когда-то специализировались на выращивании винограда и производстве вина [31, с. 59].

Таким образом, можно заключить, что греки, проживавшие в южном Крыму накануне 1778 г. имели определенную хозяйственную специализацию, обусловленную, в первую очередь, ландшафтно-климатическими условиями и спросом на отдельные виды сельскохозяйственной продукции.

Жители с. Албат в основном выращивали зерновые культуры, наличие садов и достаточно больших площадей сенокосных участков свидетельствует о развитом садоводстве и скотоводстве. Остается неясным, насколько велики были лесные участки и торговали ли древесным углем или лесом их владельцы.

Жители с. Аутка занимались овцеводством, производством овощей и бахчевых культур, но, главным образом, садоводством (78,5 садовых участка – более 14 га) и льноводством (42,636 га или 46% всей посевной площади), которое судя по всему было товарным и являлось одним из основных источников дохода. Производство зерна могло быть явно недостаточным для обеспечения потребностей жителей села. Виноградарство было подсобным занятием ауткинцев, и скорее всего вино изготавливали только для домашнего потребления. Возможно, что владельцы 5 лесных участков снабжали древесиной для строительства и изготовления ремесленных изделий не только односельчан, но и жителей ближайших окрестностей.

Жители с. Марсанда также занимались садоводством и льноводством, причем еще в больших объемах, чем ауткинцы: участки, засеянные льном, составляли 75% (51 га) всей площади пахотных земель, количество садовых участков (121 – около 22 га) почти на треть больше, чем в соседних Аутке и Магараче. О виноградниках в документе не упоминалось вообще, но вероятно в небольших количествах, для собственных потребностей, его все-таки выращивали, также как и огородно-бахчевые культуры. Судя по всему, в селе было достаточно развито скотоводство (57 сенокосных участков). Обращает на себя внимание наличие в селе 5 орешников (видимо участков лесного ореха – “фундука”) и 42 деревьев грецкого ореха – такое количество с лихвой покрывало потребности жителей села, и вероятно орехи также шли на продажу. Зерно засеивалось лишь на площади 17 га, и не могло обеспечить годовую потребность в хлебе жителей села. Да и в целом, на одну семью в этом селе приходилось 1,6 га пашни – самый низкий показатель по сравнению с данными других ведомостей, тем не менее, жители “Марсанды” кажутся более зажиточными, чем, например, жители Албата, у которых этот показатель на треть больше.

Магарачцы также занимались садоводством (79 садовых участков – около 14 га) и льноводством (52% посевных площадей – около 47 га) в больших объемах, позволявших реализовывать излишки, но наряду с этим было достаточно развито зерновое хозяйство (ок. 43 га посевов) и скотоводство (60 сенокосных участков). Виноградарство, овощеводство и бахчеводство было в основном приусадебным и обеспечивало только потребности жителей села.

В с. Никита жители занимались в большей степени скотоводством (51 сенокосный участок), на достаточно высоком уровне оставалось производство льна (29,6 га – 43%), которое, по всей видимости, было товарным. Не такое большое распространение, как в соседних селах, получило садоводство (30 участков – 5,4 га). Посевы зерновых составляли около 39 га, что позволяло лишь удовлетворить потребности жителей села в хлебе и крупе.

В с. Гурзуф было развито производство зерна, значительно меньше посевной площади было занято льном (30,5 га). По всей видимости, садоводство также являлось одним из

основных занятий (49 садовых участков и 6 орешников – около 10 га, а также деревья грецкого ореха и 15 деревьев “гувесу”). Наличие 25 сенокосных участков и зимовника для скота свидетельствуют о развитии скотоводства, но вряд ли оно было товарным. Вероятно, получило развитие огородничество. В этом селе кроме 11 кладовых были также описаны 8 “магазинных” – вероятно для складирования и отпуска зерна, льна, овощей и фруктов, которые шли на продажу.

Кучук-ламбатцы также занимались садоводством (36,5 садовых участков – около 6,5 га), бахчеводством (овощеводством?). Почти 77% посевных площадей было отведено под зерновые культуры (около 45 га) и лишь 23% – под лен. О виноградарстве есть косвенные сведения, насколько оно было развито – неизвестно. По всей видимости, жители занимались скотоводством. Наличие 6 погребов, 3 амбаров и 13 “магазинных” свидетельствует о товарном производстве зерна, льна, фруктов и товарообмене с соседями.

Жители с. Алушта в основном специализировались на овцеводстве (отмечены 6 “отар” у домов и 11,5 сенокосных участков на 9 семей). Более 75 га посевной площади было под зерновыми культурами (причем больше половины – 41 га – принадлежали одному хозяину) и только 11 га (12,8%) – под льном. Кроме этого жители занимались садоводством (18 участков – более 3 га), о развитии виноградарства сведений нет.

В с. Демерджи совсем не указаны сады, виноградники, баштаны, леса, хотя некоторые жители села владели садами и виноградниками в приморских селах, например в Алуште, Кучук-Узене, Кучук-Ламбате. Зато здесь было особенно развито овцеводство (2 овечьих зимовника, 133 луга), возможно торговля сеном и производство товарного зерна (208 га – 87%). Льна выращивали относительно немного: посевы занимали всего около 30 га. В селе значились 21 кладовая и 12 “магазинных” – вероятно для хранения и отпуска сена, зерна и льна.

Кучук-узеньцы занимались садоводством (34 садовых участка – более 6 га), выращивали орехи, “авес”, груши, яблоки, абрикосы, есть косвенные данные о “виноградных садах”. Скотоводство не было особенно развито, а вот льна и зерна здесь выращивали в количествах больших, чем нужно для собственного потребления, о чем свидетельствует также наличие 23 кладовых, 3 амбаров и 11 “магазинных”. Возможно, что жители Кучук-Узена активно обменивались с с. Демерджи фруктами в обмен на скот и сено.

Опись имущества греков с. Козы свидетельствует об основной специализации жителей села – виноградарстве и товарном производстве вина, было также развито земледелие (главным образом выращивали зерновые культуры – льняных полей в ведомости не показано) и скотоводство.

Таким образом, можно сделать вывод, что греки южного Крыма традиционно занимались земледелием (культивировалась рожь, ячмень, пшеница, просо, сеяли также фасоль, большие посевные площади были заняты льном), садоводством (выращивали яблоки, груши, айву, сливы, вишню, черешню, персики, абрикосы, садовую рябину, мушмулу, шелковицу, грецкий орех; реже – хурму, гранат, кизил) и виноградарством (но в значительно меньших объемах, чем в XVIII в.). Другим традиционным занятием греков являлось отгонно-пастбищное скотоводство: особое развитие получило овцеводство, гораздо меньше греки занимались крупным рогатым скотом, и совсем мало – коневодством и свиноводством (есть данные лишь по горным селам). Об этом свидетельствуют и материалы о становлении хозяйства греков в Приазовье: уже в первые годы после переселения в Мариупольском уезде насчитывалось 35 “овечьих заводов” с 81 тыс. овец, которыми владели всего лишь 192 человека, и, несмотря на падеж скота тяжелой зимой

1788 г., в 1807 г. овец уже насчитывалось около 133 тысяч. Традиции балканского пастушества и отгонно-пастбищного скотоводства были настолько сильны, что иногда греческие чабаны отгоняли овец на летовки не только на близлежащие общественные пастбища, но и в более отдаленные регионы – крымские яйлы, молдавские Кодры и на Кубань [26, с. 135-138; 33, л. 12; 34, с. 110].

Благодаря данным архивных документов установлено, что основным занятием греков Аутки, Магарача, Марсанды были льноводство и садоводство, Коз – виноградарство, Гурзуфа, Кучук-Ламбата и Кучук-Узень – садоводство и земледелие (здесь значительно преобладало производство зерновых, а не технических культур), Алушты и Албата – овцеводство, земледелие, садоводство, Демерджи – овцеводство, земледелие. Возможно греки Албата, Алушты и Аутки занимались также продажей леса (древесного угля?). Прозвища греков дают основание предположить, что в селах также проживали ремесленники – кузнецы, медники, лудильщики, столяры, суконщики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Араджиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XX в.). Симферополь, 1999.
2. Якубова Л. Мариупольські греки (етнічна історія): 1778 р. – початок 30-х рр. XX ст. Київ, 1999.
3. Соколов И.И. Мариупольские греки // Труды института славяноведения АН СССР. Л., 1932. Т.1.
4. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье. 1775-1800 гг. М., 1959.
5. Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979.
6. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: численность и этнический состав. М., 1990.
7. Наулко В.И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975.
8. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб, 1885. Т. 2.
9. Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. 1886. Т.14.
10. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1888. Вып.6.
11. Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 г. // ЖМНП. 1841. Ч.XXX. Отд.2.
12. Из наследия А.Л.Бертье-Делагарда // Крымский музей. Симферополь, 1994. №1.
13. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Вып.57.
14. Экстракт дела по жалобе татар, жителей д.Дереккой ... // ГААРК. Ф.24. Оп.1. Д.767.
15. Дело по прошениям Симферопольского уезда деревень Кучук-Узень, Тувак, Шума, Улу-Узень и Демерджи жителей казенных поселян о завладении их угодьями, состоящими при разных урочищах штаб-лекарем Михаилом Хрусталаки (1800-1809)... // ГААРК. Ф.24. Оп.1. Д.4.
16. Дело по прошениям Феодосийского уезда деревни Коз татар и гречанки унтер-офицерской жены Васильевой на помещика Анастасьева в завладении им виноградных садов при оной деревне... // ГААРК. Ф.24. Оп.1. Д.164.
17. По прошению Симферопольского уезда Мехелдурской волости деревни Аутки жителей Мемета о завладении у него при оной деревне земель и сада греческим священником Якимом и греками Реизом и Пефтием 1802–1807... // ГААРК. Ф.24. Оп.1. Д.179.
18. Дело по прошению деревни Албат татарами о завладении их земель, лесов и садов при оной деревне помещиком надворным советником Мавроянием, получившим оные из казны, а от него доставшимся по купле племяннику его капитан-лейтенанту Патаниоту... // ГААРК. Ф.24. Оп.1. Д.180.
19. Дело по жалобам татар деревень Гурзуф, Партенит и Ай-Василь на генерал-майора Леслия, на приказчика грека Янакия в отнятии ими их земель, угодий и пр... // ГААРК. Ф.24. Оп.1. Д.260.
20. Дело по жалобам жителей д.Алушты и Кучук-Ламбат о завладении их землями и угодьями капитаном Михаилом Тибекниным (1803-1808)... // ГААРК. Ф.24. Оп.1. Д.328.
21. Лашков Ф.Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887.
22. Ефимов А. Из Османской налоговой ведомости. XVII в. // Греки в истории Крыма. Симферополь, 2000.

23. Δελο πο προσηνυο κυτελερ δ. Κορβεκλερ να κυτελερ δ. Αλυσητυ ο ζαυλαδενυο κεμλερ (1803)... // ΓΑΑΡΚ. Φ.24. Οπ.1. Δ.374.
24. Οι Ελληνερ τηρ Ρωσυακ κ τηρ Σοβιετικηκ Ενωσηκ: Μετοικεσυερ κ εκτοπυσμοι. Οργανωση κ Ιδεολογυα. Θεσσαλονυκη, 1997.
25. Μπαμπυτυωτηκ Γ. Λεξυκο τηρ Νεακ Ελληνυκηκ Γλωσσαι (με σχολυα γυα τηρ σωσητη κρηση των λεξεων). Αθηνα, 1998.
26. Ιβανοβα Υ.Β. Χοζυακτυθεννυο κυτ γρεκων Πρυαζοβυα // Ιτογυ πολευκων ροβορ Ινστυτυα ετυνογρφυα ΑΝ ΣΣΣΡ ε 1970 γ. Μ., 1971.
27. Τερμυνολογυκεσυερ βλανκυ Πρυαζοβυκ φοκλυκλορνο-ετυνογρφυκεσυοκ εκπεδυκκυο (ρυκ. Μ.Α.Αρατζιονυ) Κρυμσκογ οτδελενυα Ινστυτυα वोστοκοεδενυα ΝΑΝ Υκραινυο (1993-1995 γ.).
28. Κρυμσκοταταρσκο-ρυσσυκυο σλοβαρυ. Κυεε, 1988.
29. Δελο ο κρυεδενυο μερ ταταρσκογ ομενωανυα ε ροσσυκσκοε οκσυκλυο (1804-1808)... // ΓΑΑΡΚ. Φ.24. Οπ.1. Δ.459.
30. Πασσεκ Β. Ταταρσυε ποζεμλενυε μερυ κ εσυ ε Κρυμυ // Οτκερυ Ροσσυο Βαδυμα Πασσεκα. Κν.2. Μ., 1840. Σμεσυ.
31. Γαλενκο Α.Ι. Βυνοδελυε ε οσμανσκο Κρυμυ // Δυονυοκ-Βακκ-Βαχυο ε κυλτυρε κροδων μερα. Συμφεροπολ, 2002. Βυπ.1.
32. Παλλασ Π.Σ. Ναβλυοδενυα, σελενυα κε εμμερυα πο υτυεστυα πο κυκνυοκ ναμεστυνυκεστυα Ρυσσκογ γοσυαρυα ε 1793-1794 γ. Μ., 1999.
33. Ζαμετυκ ναυκνογ σοτρυδνυκα οκσυκλυκοσκογ αρχυβα πο οκσυκλυο Μαρυπολυσκογ Γρεκεσκογ συδα... // ΓΑΔΟ. Φ.Ρ-678. Οπ.1. Δ.35.
34. Σαενκο Ρ.Ι. Μαρυπολ, κ γρεκεσυε σελα Πρυαζοβυα ε κονκε ΧVΙΙΙ – πορυοκ τετκερτυ ΧΙΧ εε. // Υκραινυα-Γρεκυα: οκσυκλυο τα συκαστυε. Τεσυ Δρυογυο κυκνυαρυοδνυοκ ναυκνογυο κονφερενκυοκ (μ. Κυεε, 22-24.02.1995 ρ.). Κυεε, 1995.

ARADJIONI M. A.

ON THE PROBLEM OF MAIN AND SECONDARY ACTIVITIES
OF THE GREEKS IN THE SOUTHERN CRIMEA IN THE MID-18TH CENTURY

Summary

The author examines the problem of the geography of settling and population of the Greeks in the Southern Crimea on the eve of 1778, their property status and traditional activities. Fragments of census of immovable property that belonged to the Crimean Christian (before their removal to the Azov Sea region) were used as the source; those materials were translated into Russian in 1783–1785. The records were registered on the villages of Kozu (№ 11), Albat (№ 13), Autka (№ 22), Massandra (№ 24), Magarach (№ 25), Nikita (№ 26), Gurzuf (№ 27?), Kuchut-Lambat (№ 31), Alushta (№ 33), Demerdji (№ 34), Kuchuk-Uzen (№ 36), Tuak (№ 38).

These materials enable us to supplement and refine the well known "Registers of Kaimakans": in the published lists there were no data on Alushta, Kuchuk-Uzen, Tuak, Kozu, the number of families from the villages of Demerdji, Kuru-Uzen, Tuak, Kozu, Nikita, Autka, Ulu-Uzen was counted more precisely.

Traditionally the Greeks went into farming (rye, barley, wheat were cultivated; large areas were under flax), horticulture (they grew apples, pears, quince, plums, cherries, sweet cherries, peaches, apricots, garden rowan trees, medlar, Cornelian cherries, mulberries, walnuts; persimmon, pomegranates, Cornelian cherries were not widely spread), viticulture (but on a less scale than in the 16th century), cattle-breeding (mainly sheep breeding).

It was ascertained that the main activities of the Greeks from Autka, Magarach, Massandra were flax growing and horticulture; from Kozu – viticulture; Gurzuf, Kuchuk-Lambat and Kuchuk-Uzen – horticulture and farming (grain crops but not technical cultures); Alushta and Albat – sheep breeding, farming, horticulture; Demerdji – sheep breeding, farming. The Greeks from Albat, Alushta and Autka went into trading wood (charcoal?). Nicknames of the Greeks enable us to suppose that craftsmen lived and worked in those villages – blacksmiths, coppersmiths,

Таблица 1

Название населенных пунктов	Ведомость Суворова			Ведомость Игнатия			Дополнительные сведения по А.Л. Бертье-Делагарду, сведения о церквях	Ведомости каймаканов				Число хозяйств по налогам ведомости 1652 года
	мужчин	женщин	всего	священнослужит.	семей	церковь		Кол-во домов по опубликованным документам	по архивным д-там	число домов	хозяев	
Албат	62	51	113	—	15	—	—	19 (?)	31	19	19	—
Алушта	—	—	—	—	8	Св. Димитрия	Иоанна Предтечи, св. Георгия	—	14	17	9	—
Верхняя Аутка	83	86	169	1	47	Феодора Тирона	Рождества Богородицы, св. Кириакии, св. Евфимии, св. Параскевы, св. Димитрия, св. Иоанна, св. Анастасии	36 (?)	50	36	36	29
Нижняя Аутка				1	22	Успения Богородицы	св. Параскевы, св. Димитрия, св. Иоанна, св. Анастасии	28 (14 — разруш.)				
Гурзуф	42	41	83	1	28	Архангела Михаила	Архангела Михаила	19 (4)	23	26	23	127
Демерджи	100	90	190	1	80	Вмч. Феодора Тирона	св. Феодора Стратилата	?, (2 — разруш.)	40	35	35	3
Козы	38	36	74	—	—	—	Ильи, св. Георгия, Успения Богородицы, Иоанна	—	35	19	14	—
Корбеклы	—	—	—	—	—	—	У свв. Козьмы и Дамиана	—	—	—	—	3
Кучук-Ламбат	37	38	75	—	20	Св. Георгия	Иоанна Богослова	17 (3)	21	17	17	7
Куру-Узень	56	47	103	1	25	Вмч. Георгия	Воскресения	18* (8 — разруш.)	—	—	—	29
Кучук-Узень	67	59	126	1	26	Вмч. Феодора Тирона	Свв. Константина и Елены	11 (9 — разруш.)	24	25	24	35
Марсанда (Массандра)	121	110	231	1	66	Преображения, Рождества Христова	Преображения, часовня св. Иоанна	41 (?)	53	43	42	24
Магарач	93	82	175	1	50	Иоанна Крестителя, св. Иоакима и Анны	Иоанна Предтечи, Рождества, Иоанна Предтечи	34 (?)	38	40	39	47***
Никита	50	52	102	1	30	Иоанна Златоуста	Ай-Юри (св. Георгия)	27** (12)	30	28	28	
Тувах	—	—	—	—	—	—	Свв. Константина и Елены	—	1	2	1	35
Улу-Узень	67	57	124	1	25	св. Анастасии	Крестовоздвиженская, Усп. Богородицы, Ай-Эндри	—	—	—	—	12
Шума (Чатырдаг?)	—	—	—	—	—	—	Вознесения, Свв. Косьмы и Дамиана	—	—	—	—	8

* В ведомости: «6 целых домов и 8 разрушенных», но общее количество указано не 14, а 18 (!?) домов.

** В ведомости: «1 двор проданный ханом, 4 целых и 12 разоренных всего 27», но всего получается 17!

*** Был приведен общий список жителей этих двух сел.

Таблица 2

Нас. пункт	Албат	Алушта	Аутка	Гурзуф	Демирджи	Козы	Кучук-Ламбат	Кучук-Узень	Мерсанда	Магарач	Никита	Тувак	
П.Ж. Семей	19	9	36	26	35	14	17	25	43	40	28	1	
Домов (дворов)	31	14	50	23	40	35	21	24	53	38	30	1	
Кладовые	16	—	3	11	21	—	6	23	8	1	—	—	
Погреба	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	
Амбары	—	—	—	—	—	—	3	3	—	—	—	—	
«Магазейны»	—	—	—	8	12	—	13	11	1	—	—	—	
Мельницы	—	1	2	1	—	—	—	1	—	0,5	—	—	
«Отары»	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Зимовники	—	—	2	1	2	—	—	—	—	—	—	—	
Луга	6 ¹	11,5	39,5	25	133	27	18,5	1	57	60	51	—	
Лес. участки	2	2	5	—	—	—	—	—	1	—	—	—	
Сады	12	18	78,5	55	—	1	36,5	34	121	79	30	—	
Виноградники	—	—	—	1 ²	—	25 ³	—	—	—	—	—	1	
Бахча	—	—	1	8	—	—	7	—	2	2	—	—	
Пахотные земли	Участ. зернов.	27	83	49	81	232	41	94	131	24	51	64	—
	Размер (га)	51,0	75,2	55,6	84,0	208	34,3	44,8	111	17,2	42,7	38,7	—
	Участ. льняных	1	32	96	61	62	—	39	98	91	101	75	—
	Размер (га)	2,04	11,0	42,6	30,5	29,8	—	13,5	31,6	51,0	46,9	29,6	—
	% п. под льном	—	13	46	27	12	—	23	23	75	52	43	—
	Всего пашни (га)	53,0	86,2	98,2	114,5	237,8	34,3	58,2	142,6	68,2	89,6	68,3	—
	Ср. р-р на сем. (га)	2,7	9,6 ⁴	2,8	4,4	6,8	2,5	3,4	5,9	1,6	2,2	2,4	—
Деревья в част. и общ. собств.	—	45 орехов, 5 рябины и др.	7 орехов, 3 уч. орешн.	8 орехов, 15 рябин	—	—	—	12 орех, 3 рябины	42 ореха, 5 уч. орешн.	—	—	—	

¹ в т.ч. 2 – 4,9 га

² «2 дровка»

³ размером 62 «меря донум»

⁴ Один житель села владел 44,547 га пашни, поэтому средний размер пашни на семью приходится 9,6 га, хотя фактически он равен 4,6 га